

Комната была просторной: три ряда двухъярусных кроватей, по девять в каждом. Здесь жили не только ребята из 1-го класса, но сейчас все «чужаки» разошлись по своим штабам.

В помещении осталось около тридцати человек — все из 1-го класса. Чэн Фэн, парень неглупый и мастерски умеющий задавать тон беседе, не дал остальным времени на раздумья.

— Значит, решено, — отрезал он. — Голосуем. Кто за то, чтобы позволить такому подлецу, как Го Юйфэн, участвовать в наших делах? Поднимите руки!

Большинство предпочло бы остаться в стороне. Какое им дело до этих терок? Они и познакомиться-то толком не успели. Но Чэн Фэн поставил вопрос ребром: если ты не поднимаешь руку сейчас, значит, ты против Го Юйфэна. Третьего не дано.

Ребята проучились вместе всего день, но уже поняли: и Го Юйфэн — местный выскочка из этой же школы, и Чэн Фэн — такой же тертый калач и поборник «справедливости», оба люди непростые. Связываться с ними новичкам не хотелось.

Однако Чэн Фэн, выступавший под знаменем праведного гнева, казался куда опаснее. Тем более что на его стороне было большинство, включая Сяо Цзичуна — лучшего ученика города.

Культ силы заложен в человеческих генах, а в четырнадцать-пятнадцать лет этот инстинкт проявляется особенно ярко. Неважно, идет ли речь о блестящей учебе, богатстве семьи или просто дерзком характере — такие лидеры всегда выделяются.

Сяо Цзичун приковывал взгляды прежде всего своим интеллектом. Он был гением, который оторвался от второго места в рейтинге более чем на двадцать баллов. И хотя никто не спешил набиваться к нему в друзья (чтобы не прослыть подлизой, как Янь Жань), в глубине души каждый признавал его авторитет.

К тому же Сяо Цзичун вел себя достойно и честно. Он защищал Янь Жаня смело, ни капли не пасуя перед Го Юйфэном. Заставить этих амбициозных парней уважать кого-то было задачей не из легких, но Сяо Цзичуну это почти удалось.

Раз Чэн Фэн выступал как бы от имени Сяо Цзичуна, никто не решился встать на сторону Го Юйфэна. Возможно, пара человек и хотела бы поднять руку, но, увидев общее молчание, они струсили.

Чэн Фэн коротко хохотнул и бросил Го Юйфэну:

— Видишь? Никто не хочет тебя видеть. И после этого ты еще собираешься остаться? Совесть совсем потерял?

Го Юйфэн, красный от ярости и унижения, до боли стиснул зубы. Он широко раскрыл

покрасневшие глаза — был на грани слез, но из последних сил сдерживался.

— Я... я хочу... — выдавил он.

Чэн Фэн посмотрел на него сверху вниз с презрительной усмешкой:

— Чего ты хочешь? Побежать к Ласточке и наядбедничать, что мы тебя обижаем? Стукач!

Чэн Фэн уже успел придумать Хао Янь прозвище. Те, кто не боится давать клички учителям, всегда кажутся смельчаками. Эти слова окончательно заткнули Го Юйфэна.

Он уже развернулся, чтобы уйти, но тот бросил ему в спину:

— Наш класс — это единое целое. А любой, кто бежит к учителю с доносами, — предатель!

Бросив на него последний холодный взгляд, он обернулся к комнате и замер. Посреди помещения, у одной из кроватей, стоял Янь Жань с поднятой рукой.

Тот осекся и вскинул брови:

— Ты что-то хочешь сказать?

У него была своя гордость. Не будь Янь Жань соседом и другом Сяо Цзичуна, Чэн Фэн вообще не обратил бы внимания на это тихое, безобидное существо.

Расправляясь с Го Юйфэном, он вроде как вершил правосудие и заодно делал одолжение Сяо Цзичуну. В глазах остальных это выглядело так, будто он заступает за Янь Жаня, которого Го Юйфэн постоянно травил.

На самом деле всем было плевать, купил ли Янь Жань себе место в классе или нет. С его плохими оценками он им не конкурент, так что и возиться с ним не стоило. Поэтому, когда Го Юйфэн изводил его, никто не вмешивался.

Теперь же, когда Янь Жань поднял руку, все растерялись.

Мальчик смотрел на них своими огромными черными глазами, в которых читались кротость и испуг. Он напоминал загнанного олененка. Из-за лекарств и проблем с желудком он сильно похудел, лицо осунулось, отчего глаза казались еще больше, а подбородок — острее.

Он выглядел робким.

— Это ведь общее мероприятие, — едва слышно пробормотал он. — Го Юйфэн тоже из нашего класса, нельзя его выгонять. К тому же... нет никаких доказательств, что это он настучал.

В комнате воцарилась гробовая тишина. На Янь Жаня смотрели с нескрываемым изумлением. Многие решили, что у парня не все дома.

Го Юйфэн его гнобил, подставлял, сдал учителю телефон... Чэн Фэн за него заступился, а Янь Жань теперь берет и подставляет самого Чэн Фэна, защищая врага?

Чэн Фэн опешил. Он смерил Янь Жаня взглядом и ледяным тоном переспросил:

— Ты это серьезно?

Янь Жань в страхе отвел взгляд, не смея встретиться с ним глазами. Чэн Фэн готов был вышвырнуть его вон вместе с Го Юйфэном, но, заметив, что Сяо Цзичун молча наблюдает за происходящим, сдержался.

— Кто-то видел, как Го Юйфэн выходил из общежития и шел к Ласточке, — процедил Чэн Фэн.
— Вот тебе и доказательство.

Янь Жань неловко хмыкнул и оглядел одноклассников. Никто не проронил ни слова. Тогда он, собрав остатки мужества, добавил:

— И все равно... мне кажется, выгонять его неправильно.

Чэн Фэн пожал плечами и издал короткий, издевательский смешок.

— Похоже, моя помощь тут никому не сдалась. Что ж, Сяо Цзичун, твое слово. Что скажешь?

Он перевел взгляд на Сяо, и вся комната последовала его примеру. Го Юйфэн, застывший в дверях, сжал губы и тоже уставился на лидера класса, сдерживая подступившие слезы. Все молча признали: последнее слово за Сяо Цзичуном.

Тот обвел присутствующих взглядом и медленно поднялся.

Янь Жань не знал, о чем думает его друг, и ужасно боялся, что тот на него разозлится. Ведь Чэн Фэн, скорее всего, старался именно ради Сяо. Янь Жань с детства знал, каково это — быть изгоем, и не хотел такой участи для других. Он понимал, что его заступничество может сделать его самого мишенью для насмешек, а Го Юйфэн вряд ли скажет «спасибо».

Но участвовать в травле он не мог.

«Цзичун точно решит, что я дурак. Обидел тех, кто мне помогал, ради врага... Он больше не захочет со мной дружить», — Янь Жань готов был расплакаться и низко опустил голову.

Сяо Цзичун слегка подтолкнул его, заставляя сесть на кровать, и ободряюще коснулся плеча. Затем он обернулся к ребятам и усмехнулся.

— На днях я читал одну историю, — начал он. — Мне кажется, она очень подходит к нашей ситуации.

Никто не перебивал. Все ждали — неважно, истории или приговора.

— Джерри Харви, профессор менеджмента, написал статью о так называемом «парадоксе Абилина». Откуда взялось это название? Представьте: жаркий июльский день. Харви с женой гостят у ее родителей. Семья мирно играет в домино на веранде, в тени и прохладе. Вдруг тесть говорит: «А поехали-ка пообедаем в Абилин?»

Сяо Цзичун сделал паузу.

— Абилин был в восьмидесяти пяти километрах. Путь туда и обратно занял бы часа четыре по пыльной дороге в машине без кондиционера. Затея была дурацкая, и Харви это понимал. Но его жена вдруг сказала: «Звучит неплохо». Харви не хотел показаться занудой и ответил: «Я не против, если мама согласна». А теща добавила: «Конечно, я сто лет не была в Абилине».

Ребята слушали, затаив дыхание.

— И вот они потащились в это пекло, обливаясь потом в душной машине. В ресторане еда оказалась паршивой. Когда они вернулись домой, все были вымотаны до предела. Кто-то из вежливости буркнул: «А ведь неплохо съездили, да?» И тут всех прорвало. Оказалось, что никто не хотел ехать. Каждый согласился только потому, что думал, будто этого хотят остальные.

Сяо Цзичун снова обвел комнату взглядом.

— Выходит, никто не высказал своего настоящего мнения. Все просто подчинились тому, что сочли «мнением большинства». Кто-то — из желания угодить, кто-то — из трусости.

Его голос стал суше.

— Неужели вам всем нечего сказать? Чэн Фэн прав в том, что стукачество — это низко. Но и Янь Жань прав: нельзя из-за этого вычеркивать человека из жизни класса. А ты, Го Юйфэн... если это сделал ты, имей смелость признаться, тогда я хотя бы буду уважать тебя за честность. Мы — один класс, нам вместе учиться три года. Никто не должен быть изгоем. Ни Янь Жань, которого ты травил, ни ты сам. Ни у кого нет права унижать других. Когда Го Юйфэн напал

на Янь Жаня, никто из вас не пикнул. Теперь, когда травят Го Юйфэна, вы снова трусливо молчите.

В словах Сяо Цзичуна сквозила нескрываемая насмешка над их малодушием. Но никто не посмел возмутиться.

Сяо Цзичун сел на место и небрежно махнул рукой:

— Это мое мнение. А теперь говорите вы.

Янь Жань сидел, опустив голову, и сердце его ликовало. Сяо не только не рассердился, он его поддержал.

— А ведь Цзичун прав, — подал голос кто-то из толпы. — Мы же одноклассники, надо ценить это.

— Точно, давайте жить дружно.

Чэн Фэн бросил короткий взгляд на Сяо Цзичуна и неохотно кивнул:

— Ладно. Но пусть Го Юйфэн сначала объяснит, что он там наплел Ласточке.

Лицо Го Юйфэна немного просветлело. Он посмотрел на Сяо Цзичуна с невольной благодарностью. В его груди что-то всколыхнулось, и он твердо произнес:

— Да, это я сказал учителю Хао. Но я сделал это ради Янь Жаня. У него дорогой телефон, если бы его украли в общежитии, была бы беда. К тому же из других классов постоянно бегали к нему звонить, мешали нам отдыхать. Пришлось принять меры.

<http://bllate.org/book/17500/1657250>